

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

ВОЕНТОРГ

МИНИСТЕРСТВО НАЖИВЫ

Антикор

Кирилл Казанцев

Военторг. Министерство наживы

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Военторг. Министерство наживы / К. Казанцев — «Эксмо»,
2013 — (Антикор)

Сторожевой корабль «Бесстрашный» выходит в море после капитального ремонта, попадает в шторм и буквально разваливается на части. Команда спешно перебирается на спасательные плоты и ждет помощи. Но спастись морякам не удастся: появившийся вертолет береговой охраны безжалостно расстреливает их. В живых остается только старпом Медведкин...

Руководитель тайной антикоррупционной организации генерал Дугин приказывает своему лучшему агенту Ларину разобраться в этой истории. Ларин отправляется в госпиталь с намерением допросить Медведкина и узнает, что старпом внезапно скончался...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кирилл Казанцев

Военторг. Министерство наживы

Глава 1

Порывистый ветер хлестко трепал Андреевский стяг за кормой СКР «Бесстрашный» – сторожевого корабля. Воды Желтого моря сделались свинцово-серыми от надвинувшихся на небосвод туч. Горизонт размыло. Огромные валы один за другим накатывали на российский военный корабль, нос то исчезал в брызгах, то вновь поднимался над волнами.

Тихий океан, он только по названию «тихий». На самом деле количество штормов здесь выше, чем в любом другом водном пространстве земного шара. По справедливости, его следовало бы назвать океаном бурь, но почему-то такое название носит только безводный океан на Луне.

Командир сторожевика всматривался в буйство стихии через стекло рубки. Отсюда – сверху, открывалась величественная панорама бушующей океанической воды. Тяжелые дождевые капли шрапнелью ударили в остекление, смазав пейзаж. Тут же задвигались широкозахватные щетки стеклоочистителей, сгоняя ручьи ливневой воды.

– Погодка, однако, – пробурчал командир, кавторанг Порозов.

– Чего уж тут на природу пенять? – невесело улыбнулся старпом Николай Медведкин. – Предсказанная погода... Другой и не ждали.

– Когда хочется, чтобы синоптики ошиблись, они не ошибаются.

Настил качелями ходил под ногами, но и командир, и его помощник были привычны к подобному, стояли, даже не придерживаясь за поручни. Как любил говаривать кавторанг Порозов: «Поручни на корабле только для больных и раненых».

Вроде бы особых опасений шторм вызывать не должен был – восемь баллов. Ведь СКР «Бесстрашный» только вышел из планового ремонта. А для корабля – это серьезная процедура, считай, не хуже заново построенного. И все же напряжение не сходило с лиц опытных морских волков, какими являлись и командир, и его старший помощник. Чтобы противостоять шторму, если не удалось вовремя обойти его или укрыться, надо удерживать корабль носом к волнам – это основная задача. Вроде бы просто, но только на словах. Каждый удар водяной стихии норовит повернуть корабль, раскачивает его. Вовремя не сориентируешься, и вот уже очередной вал грозит ударить в борт – перевернуть корабль.

– Силовая выдержит? – прислушался старпом к работе дизелей в то время, как очередной вал прокатился по палубе.

Двигатели взревели, набирая обороты, а потом вновь застучали под нагрузкой, это означало, что корму на несколько секунд задрало так высоко, что винты выскочили из воды.

– Должна, – проговорил командир. – Капиталку прошли.

Старпом покачал головой.

– Капиталка капиталке – рознь.

Валы с рваными, вспененными ветром верхушками катились один за другим, равномерно обрушиваясь на корабль, прокатывались по палубе.

В моторном отсеке грохотали мощные дизели. Снаружи бушевала стихия, обшивка вздрагивала от этих могучих ударов. Старший моторист не спускал глаз с приборов. Главное для работы двигателей – выдерживать температуру и поддерживать давление масла. С первым было все в порядке. Водяные помпы исправно прокачивали забортную воду, пропуская ее через охлаждающую рубашку, и сливали обратно в море. А вот давление масла «прыгало».

К тому же без всякой на то причины, хотя масляный насос работал исправно. Моторист даже заподозрил, что дело не в самом давлении, а в неисправном датчике.

– Этого еще не хватало, – проговорил он и даже постучал по стеклу, за которым дергалась стрелка.

Внезапно стрелка двинулась влево. Что-то засипело совсем рядом. Старший моторист оглянулся и выругался. Из соединения маслопровода тонкой, толщиной со спичку, тугой струей гнало масло.

– Трах-тарарах, прокладка накрылась...

Моторист попытался подтянуть штуцер на сочленении ключом, но от этого толщина струйки лишь увеличилась. Помощник моториста уже был рядом.

– Собирай, что вытекает, – приказал ему старший моторист.

Горячее масло звонко било в дно и стенки ведра, обжигало руки. Думать о том, чтобы заглушить один двигатель в такую погоду и поменять прокладку, не приходилось. Живучесть корабля сейчас в первую очередь зависела от работы силовой установки. Старший моторист уже доливал масло из бака в горловину. В принципе, собирая вылившееся и заливая его вновь в систему, можно было продержаться достаточно долго.хлопотно, конечно, но что поделаешь? Кто сказал, что шторм удастся пережить легко?

Командир, глядя с мостика, заметил, как волны меняют направление. Теперь они уже катились с северо-востока. Он отдал приказ менять курс, чтобы встретить их носовой частью. Надрывно застучали дизели, затем в машинном отделении раздался скрежет.

– Что там у вас? – понеслось по переговорке.

– Левый дизель встал, товарищ командир, – послышалось в ответ. – Причины выясняем.

Сил у корабля поубавилось наполовину. Теперь он уже не мог, как прежде, упорно противостоять волнам. Его нос выворачивал слишком слабо, не успевая за переменчивой погодой. Валы налетали уже под углом, косо били в борт, не давая кораблю занять выгодное положение. Они, наоборот, разворачивали его.

Высокий вал обрушился на «Бесстрашного». Бортовая обшивка вздрогнула. Несколько заклепок вырвало с «мясом». В образовавшуюся между разошедшимися листами щель тут же хлынула вода. Струи разлетались веером. Вода плескалась под ногами у мотористов. Дежурная смена моряков уже спешила на помощь. Включили помпы, но они не успевали откачивать прибывающую воду.

При такой погоде «латку» снаружи не подведешь, поэтому приходилось пытаться законопатить, прижать щиты к течи распорками. Стучали топоры, кувалды. Деревянные распорки упирались в стойки, переборку, шпангоут.

Единственный исправный дизель работал на пределе своих возможностей. Командир надеялся выровнять корабль, подставить волнам нос. Рулевой выкручивал штурвал, поворачивая за кормой плавник руля. И тут под кормовым настилом оглушительно хрустнуло. Штурвал завращался без всякого сопротивления.

– Тягу руля оборвало, товарищ командир.

Это было самое страшное, что мог услышать кавторанг Порозов. Быстро поломку не устранишь. Не зря же с древних времен известна поговорка: «Без руля и без ветрил». И вот теперь «Бесстрашный», условно говоря, оказался наполовину «без ветрил» и полностью «без руля». Корабль стал практически неуправляемым. И это в восьмибальный шторм!

Командир сомневался недолго. Ему пришлось принять решение, которое до последнего оттягивает каждый капитан. Связались с Владивостоком, запросили помощь. Обещали прислать ближайшее спасательное судно: время подхода – два с половиной часа. А потом в эфир полетел сигнал «SOS».

Экипаж проявлял чудеса самоотверженности, боролся за живучесть родного корабля. Удары волн выбивали распорки. Вода вновь и вновь лилась из расходящейся все шире пробо-

ины. Но опять стучали топоры с кувалдами. Тарахтели мотопомпы. В ход шло все, что годилось для того, чтобы заткнуть пробоину.

Прошли обещанные для подхода помощи два с половиной часа, но спасательный корабль так и не появился на горизонте. Если бы «Бесстрашный» имел возможность маневрировать, его, возможно, и удалось бы спасти. Но теперь буря сама выбирала, куда нанести следующий удар. Корабль дал крен. Волны перекатывались через палубу.

Старпом Медведкин посмотрел на командира.

– Я сам знаю, что пора, – негромко произнес кавторанг.

Он понимал, что «Бесстрашный» обречен. Почему так произошло? На этот вопрос потом ответит компетентная комиссия, спокойно и обстоятельно изучив дело. Она и даст оценку, было ли сделано все возможное для спасения «Бесстрашного». Теперь командиру предстояло побеспокоиться о спасении людей.

Даже в этой критической обстановке экипаж сработал слаженно. На воду спустили спасательные плоты. Но это только так говорится – спустили. Волны стремились унести их, украсть у моряков последнюю надежду на спасение. Концы, соединяющие их с обреченным кораблем, то натягивались, как струна, то падали в воду. Перебравшиеся в плоты моряки рисковали оказаться в бушующей воде.

Как и положено, последним борт корабля покинул командир. Он сделал все, что мог. До последнего организовывал борьбу за живучесть «Бесстрашного», а когда стало ясно, что корабль уже не спасти, грамотно организовал эвакуацию личного состава и сам покинул борт вместе с корабельными документами. Все моряки до единого оказались на спасательных плотах.

Кавторанг сам перерезал конец, соединяющий плот с кораблем. Ветер тут же подхватил спасательное плавсредство, завертел его. Волны вознесли плотик и бросили его вниз. Моряки на других плотиках старались держаться поближе друг к другу.

Порозов каждый раз, когда его плот поднимало на гребень высокой волны, старался рассмотреть среди бушующей стихии «Бесстрашного». Сторожевой корабль пока еще держался на плаву, хоть и дал уже большой крен... Плот вознесло еще раз. «Бесстрашный» оказался перевернут килем вверх. Потом Порозов увидел криво уходящую в волны корму сторожевика, на фоне белого пенистого гребня четко прочитывались замершие винты. Ну а на следующий раз его взгляду предстало только пустынное море. Горечь потери скрашивало лишь осознание того, что он сумел спасти своих подчиненных. Во всяком случае, пока спас. Ведь обещанная помощь из Владивостока так и не появилась. В чем дело, он не знал. Во время последнего сеанса связи ему сообщили, что «подход спасательного судна задерживается из-за погодных условий». И командир сторожевика искренне беспокоился, а не случилось ли чего и со спасателями? Шторм-то серьезный.

Плоты разносило друг от друга все дальше и дальше. И без того сумрачное небо темнело, приближался вечер. Вести поиски плотов с моряками ночью не будут, это бессмысленно. А к утру волны и ветер могли отнести моряков с «Бесстрашного» на сотню миль. Оставалось надеяться, что какое-нибудь судно, где приняли сигнал «SOS», уже спешит на помощь, вот только непогода не дает ему подойти.

И вот, когда промокшие, продрогшие люди уже начали терять надежду на скорое спасение, готовились провести ночь в открытом бушующем море, вдалеке, пока еще плохо видный из-за струй дождя, показался вертолет береговой авиации. Он шел уверенно. Летел низко – над самой водой...

– Ура! Наши прилетели! – раздались радостные крики.

В небо взмыли сигнальные ракеты...

– А ты говорил, что Родина о нас забыла, – сказал с усмешкой старпом старшему мотористу.

– Мало ли чего в сердцах не скажешь! Ведь столько ждали.

Вертолет прошел над самым плотом, обдав его тугим воздушным потоком, и ушел на разворот.

– Заметил, заметил!

Терпящие бедствие уже не обращали внимания на бушующее море, не чувствовали холода. Все кошмары сегодняшнего неудачного дня должны были для них закончиться в самое ближайшее время.

* * *

Район московского речного порта – место оживленное, а значит, в представлении асоциальных элементов и денег тут настрелять можно без особых усилий. На крыльце универсама, неподалеку от банкомата, стоял мужчина, возраст которого определить было сложно. Ему можно было дать и сорок, и тридцать лет. Потемневшее от регулярного и неумеренного употребления спиртного лицо густо укрывала щетина, которой, как минимум, неделю не касалась бритва. Классическим бомжом мужчина не являлся, так как у него имелась квартира, которую он делил с сестрой.

Мужчина жадно смотрел на то, как не старый еще человек с офицерской флотской выправкой терпеливо дожидался, пока банкомат оттрещит ему солидную пачку денег.

– Эй, мужик, – не выдержал он и окликнул обладателя пластиковой карточки прежде, чем тот успел засунуть наличные в портмоне. – Подкинь на пузырь, подышаю.

Немолодой человек на секунду задумался, затем вытащил десятку, сыпанул немного мелочи.

– Держи. А то твои похороны значительно дороже обойдутся, – не слишком удачно пошутил он.

– Это что? – уставился на помятую купюру и монетки алкаш.

– Деньги. Ты ж просил.

– Какие ж это деньги? Так, мусор. Издеваешься? Дай хоть пятьсот рублей. У тебя их вон сколько.

– С какой стати?

– Тебе что, жалко?

– Да, жалко. Работать надо, – немолодой человек вошел в магазин.

– Вот жмотина!

За этой сценкой со стороны с кривой улыбкой наблюдал еще один пожилой мужчина. Хорошо одетый, чисто выбритый, подстриженный, в старательно отутюженных брюках и начищенных ботинках. Правда, лицо у него было сильно помятое с похмелья и глаза красные. Но с кем не бывает?

– Эй, Синяяморда, – насмешливо произнес он именно так, в одно слово, кличку побитрушки. – Сколько я тебя учил, что «стрелять» на пузырь надо с умом?

– Здорово, Петрович, – алкаш с надеждой посмотрел на знакомого отставника и ничуть не смутился неуважительному обращению. – Деньги у тебя есть?

– Откуда? Те две тысячи, что мне жена от пенсии оставила, мы с тобой вчера-позавчера и прогудели.

– Блин... Так и до ночи на пузырь не собрать.

– С твоим внешним видом, конечно, не соберешь. Ты на меня посмотри. Выпил вчера не меньше твоего, но помылся, побрился, отутюжился. Запомни, мой внешний вид всегда вызывает сочувствие у людей. Это психология...

– И сильно тебе это помогло? Тоже ни копыта нет, как и у меня.

– К выполнению любой задачи следует подходить изобретательно и, главное, не повторяться. Тогда противник не будет способен отразить твой неожиданный удар. Ты ж знаешь, я в разведке служил. Учись, пока я жив, пошли.

Синяяморда последовал за отставным майором в магазин. Отставник взял тележку, покати за собой.

– Держись рядом, но так, будто мы не знакомы, – предупредил отставной разведчик и принялся складывать в тележку странный набор, причем делал это так быстро, словно в его голове имелся полный список покупок.

В тележку полетели две пачки женских гигиенических прокладок, зубная щетка и тюбик пасты, туалетная бумага, одноразовые полотенца и косметические ватные тампоны. Затем благообразный Петрович быстро перебазировался к продуктовым стеллажам. Корзинка пополнилась коробкой конфет, печеньем, негазированной минералкой.

– Петрович, охренел, что ли? – не выдержал Синяяморда. – На какой тебе вся эта хрень? Ты ж говорил, денег у тебя ни копейки...

– Заткнись.

Сказав это, отставник выбрал самый увесистый ананас, прижал к груди и принялся догонять направлявшегося к кассе немолодого человека с офицерской флотской выправкой. Того самого, у которого Синяяморда уже пытался безуспешно «стрельнуть» на пузырь, но получил лишь на проезд в метро.

– Извините, уважаемый, – выдохнул немолодому человеку в затылок Петрович.

Тот обернулся. По выражению лица стало понятно, что тот учуял сильный перегар и заметил покрасневшие с бодуна глаза.

– Вы на амбре внимания не обращайте. Самому неудобно. У меня жену в больницу положили на операцию. Ну, я немного и принял с приятелями. Потом еще с горя... Счет времени потерял. Пенсию почти всю пропил. Теперь к ней еду. На это все денег хватило, – показал бывший разведчик на чисто женское содержимое корзинки. – Но она позвонила и попросила, чтобы я ей ананас еще привез. Любит их сильно. Ну, как я к ней без ананаса покажусь? Сразу все поймет.

Синяяморда наблюдал за виртуозной работой отставного офицера через зазор между банками с конфитюром, чуть не засунув голову на полку стеллажа.

– С каждым может случиться, – улыбнулся немолодой человек. – Сколько вам не хватает?

– Пятьсот рублей с небольшим, – вздохнул Петрович. – Вы мне свой номер мобильного оставьте. Пенсия скоро, я отдам. Домой привезу. Слово офицера. Или, хотите, паспорт мой у вас побудет?

– Ерунда, не заморачивайтесь, – немолодой человек протянул Петровичу тысячу. – Пусть ваша жена поправляется.

– Еще раз извините. Стыдно. Сорвался.

Петрович покати тележку подальше от касс. За углом к нему присоединился Синяяморда.

– Вот это да! Бросай ты ее быстрее, – покосился он на корзинку. – Пошли, выпьем.

– Еловая твоя голова! Один раз полную тележку в зале бросишь, второй... Бабы в халатах тебя запомнят, больше не пустят или шум поднимут. Тебе это надо? Мне – нет. – Петрович пунктуально возвращал товар на полки, туда, где брал. – Ничего не прихватил? – строго глянул он на Синяюморду.

– Да тут же выпить нечего.

– Верю.

С пустыми руками Петрович и его спутник проскользнули мимо кассы. Причем, чтобы зря не цеплялись к собутыльнику, отставник веско сказал:

– Этот со мной.

Через десять минут они уже оказались в рюмочной, расположенной в этом же здании. Немолодой человек с флотской выправкой по странному стечению обстоятельств тоже был здесь, цедил у окна свои сто граммов из пластикового стаканчика, запивая их томатным соком. Конечно, сразу же стало ясно, для какой такой «больной жены» отставник стрелял деньги, но дело было сделано, не станешь же требовать их назад.

Петрович бережно снял со стойки два пластиковых стаканчика с водкой «по двести». Синейморде доверил нести запивку – два березовых сока и бутерброды с салом, завернутые в тонкую прозрачную пленку. Устроились у окна между компанией гастарбайтеров и уголовного вида колдырями. Над стойкой с потолка свисал включенный без звука телевизор. Из радиоприемника, стоявшего у микроволновки, лилась негромкая музыка. Выпивающие особо не шумели.

– Лучше было бы пузырь в отделе взять и во дворы податься. Дешевле обошлось бы, – пытался сдерживать расточительство Синяяморда.

– Отдыхать нужно культурно. Во дворах полицаи заметут. Понатыкали везде камер наблюдения. А тут можно и расслабиться, по сторонам не смотреть. Ты неправильно финансовый вопрос ставишь. Дело не в том, сколько человек тратит, а в том, сколько он зарабатывает. Закон экономики. Для кого-то и тысяча рублей – деньги, а для кого-то и тысяча долларов – копейки. Так, один раз в магазин сходить. Согласен?

Картинка на экране телевизора сменилась. Пошли новости. Алкан даже не смотрел в ту сторону, а вот отставник заинтересовался:

– Тонька, – крикнул он упитанной тете за стойкой. – Звук в телеке включи! Надо же знать, что в мире делается.

Тетя послушалась – убавила громкость в радиоприемнике, усилила – в телевизоре. Ведущая с чисто прокурорской внешностью объявляла анонсы сюжетов. На экране прокручивались их короткие ролики.

– Во, опять что-то там накрылось медным тазом, – посетовал Петрович, завидев бушующее море с наложенным на него звуковым сигналом морзянки. – У нас так всегда, если в этом месяце не накрылось, то уж в следующем накроется обязательно.

Сюжет с катастрофой сторожевого корабля «Бесстрашный» прошел в новостях первым. Хотя обычно о плохом стараются сообщать попозже.

– ... в нейтральных водах Желтого моря... – железным, несгибаемым голосом вещала за кадром ведущая, – ... получив пробоину, затонул сторожевой корабль Дальневосточного флота «Бесстрашный». Судя по переданным с него радиogramмам, экипаж до последнего боролся за живучесть корабля. Прийти ему на помощь вовремя, к сожалению, помешали тяжелые погодные условия. Предположительно, все члены экипажа погибли, но поиски еще не прекращены... создана правительственная комиссия по расследованию обстоятельств катастрофы, повлекшей за собой человеческие жертвы...

Потом показали министра обороны, тот со скорбным волевым лицом высказал соболезнования родственникам погибших, пообещал жестко разобраться, найти и наказать виновных в трагедии, намекнул, что многое уже ясно. Следом за ним в кадре появился находящийся со студией на прямой связи какой-то высокопоставленный флотский, который озвучил основную отрабатываемую комиссией версию. Он говорил, как практически о доказанном, что недавно прошедший капитальный ремонт «Бесстрашный» в шторм столкнулся с иностранной подлодкой, скорее всего американской, но, несомненно, НАТОвской, вследствие чего получил обширную пробоину и затонул.

– Как бы вы могли расценить действия командира иностранной подлодки? – поинтересовалась ведущая.

– Это грубейшее и преступное нарушение морских правил. Уйти с места происшествия, оставив экипаж на верную гибель...

В рюмочной притихли. Весть о том, что погибли соотечественники, заставила на время забыть мелкие проблемы типа кто и кого, куда послал пять минут тому назад.

– Я же всегда говорил – америкосы во всем виноваты. Все зло от них, – зычно произнес Петрович, к нему как к отставному майору прислушались. – Мало им, что наш «Курск» потопили. И вот снова лезут.

– Правильно говоришь, Петрович, – поддержал его Синяяморда. – В Ираке, Афганистане народу сколько поубивали? Теперь в Сирию лезут. А нас еще демократии учить думают. Мы, между прочим, их от фашизма спасли. А благодарность? Напечатали своих бумажек – зеленых фантиков, и за них у нас нефть с газом типа покупают. Я вот на прошлой неделе сам видел, поздно уже было, все обменники закрыты. Мужик пузырь хотел купить, десять баксов предлагал. А на кассе не взяли, так трезвый и пошел домой. Ни хрена эти доллары на самом деле не стоят.

Эмоциональный спич про необеспеченность долларовой эмиссии народ в рюмочной почему-то не поддержал. Наверное, у Синейморды вид был не слишком презентабельный, а вот чисто побритого Петровича воспринимали даже с его пьяным бредом.

– Тут молодых много, – вещал он. – Они не помнят, а я помню. Наши в космос при Хрущеве сперва дворняжек запускали. Гагарина потом послали.

– Чего ж не помним, – обиделся пожилой мужик с пивом. – Лайка, Белка и Стрелка.

– Собак, это каждому понятно – ради науки можно. Их все равно по улицам бездомных ловили. Или живодеры словят, или кто на шапку себе шкурку сдерет. Лучше уж в космос, к звездам. Ну, а америкосы кого запускали? Обезьян! А от них же человек произошел. Наши им тогда протест и написали через ООН. Мол, что вы, фашисты, творите? И, знаете, что эти гундосы ответили?

Притихшая рюмочная слушала молча.

– Ничего не ответили... Гундосы поганые...

Только теперь посетители рюмочной поняли, что тот совсем пьян, хоть и выпил немного.

Немолодой мужчина с флотской выправкой подошел к нему:

– Перебрал ты, мужик, – сказал он ему. – Больше не пей, иди проспись. Не знаю, америкосы там или что другое. В море всякое может случиться. А ребята погибли, хоть и не война. Выпить за их память надо. Я одного из членов экипажа знал.

Подвыпившие мужчины взялись за стаканчики. Тем, у кого водка и деньги кончились, соседи щедро отливали из своих стаканов. В притихшей рюмочной продолжал работать телевизор.

– Эй, моряк, может, и ты с нами помянешь? Кореш там твой, получается, погиб.

– Ты что, не слышал? Предположительно, все погибли... Надежда последней умирает, – немолодой мужчина с флотской выправкой, кап-лей в отставке Виктор Соболев вышел из рюмочной.

Он постоял, глянув в вечернее небо. Последний разговор со старпомом «Бесстрашного» Николаем Медведкиным, состоявшийся незадолго до выхода корабля в море, наводил на определенные мысли. Тут не пить следовало, а действовать!

Глава 2

Всякое действие порождает противодействие, иначе и не бывает. Если есть коррупционеры, продажные чиновники, генералы, то должны быть и те, кто с ними борется. Не станем говорить о тех, кому это положено по долгу службы. Что-то в этом отношении делает МВД, что-то ФСБ. Но даже при большом желании им не обуздать гидру государственной коррупции по одной банальной причине – они сами являются ее частью. Ну, не может же правая рука поймать левую на краже или запретить ей принять взятку? Не может! И если государство расписывается в своем бессилии, в дело вступают иные силы. Всякая жизнеспособная нация умеет самоорганизовываться и без властных институтов, чтобы противостоять дерзким вызовам...

Лишь пара десятков человек в столице знали, что в неприметном с виду здании на Земляном Валу располагается один из офисов мощнейшей и отлично законспирированной тайной структуры Российской Федерации. Возглавлял ее Павел Игнатьевич Дугин. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила перед собой целью свержение действующего режима с последующим силовым захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами. Почему именно так? А потому, что противник не связывал себя соблюдением законов и конституции. Как ты его иначе одолеешь?

Костяк тайной структуры в основном составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о таких старомодных понятиях, как «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы государства». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гибэдэдэшник, вымогающий на трассе взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания.

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах»... Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами было нереально. Та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы с ними. И потому Дугин практиковал способы более радикальные, вплоть до физического устранения крупных коррупционеров. Точечные удары вызывали у продажных чиновников естественный животный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны и далеко не добровольны. Слухи о некоей тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но далеко за ее пределами. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции наказания коррупционеров.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, наверняка знал только сам руководитель и создатель организации – Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго...

Имелись в тайной структуре и аналитики, и следователи, и технари, и «боевые копы». Одним из таких законспирированных «боевых копий» организации являлся Андрей Ларин. Бывший наро-фоминский оперативник, бывший заключенный ментовской зоны «Красная шапочка», бежавший из нее не без помощи Дугина. Как догадывался сам Андрей, таких «копий» у Дугина наверняка было немало. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта у Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Хватало и природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Все эти качества Ларин великолепно демонстрировал в любом порученном ему деле. Иногда приходилось действовать на грани провала. Ведь коррупционеры обладали огромными властными возможностями. Андрею противостоял силовой государственный аппарат, охотившийся на антикоров. А потому самым сложным был последний этап – бесследно скрыться, раствориться, на время исчезнуть, чтобы потом вновь объявиться в новом месте и в новом качестве.

Павел Игнатьевич Дугин был мастером конспирации. Иногда он выбирал самый простой способ. Ларин просто отсиживался на одной из оперативных квартир, не выходил из нее неделями. В этот раз был избран иной путь. Пока Андрея искали в России, он спокойно отдыхал в Паланге. На руках у него имелся самый настоящий латвийский паспорт. Он и въехал в Литву через Латвию.

Безделье тяготило Андрея. После изматывающих погонь, перестрелок, ночных гонок на городских улицах, перевоплощений теперь в его отдыхе явно не хватало адреналина, к которому человек привыкает быстро, впадая в какой-то мере в зависимость... Единственный способ бороться с такой зависимостью – физическая нагрузка. Потому каждое утро Ларин начинал с пробежки.

Мелкий песок мягко проваливался под кроссовками. Андрей бежал по кромке прибоя. Он любил Балтику. Здесь, в отличие от Черноморского побережья или Средиземного моря, не чувствовалось суеты. Отдыхающие в теплых странах спешат урвать от жизни как можно больше и как можно скорее. А тут море дышало северным спокойствием. Конечно, при желании, можно было найти места, где повеселишься, оттянешься, но Андрей избегал их.

Он не был одинок в своем увлечении утренним бегом. Навстречу ему издали легкой трусцой бежала молодая женщина. По ее движениям сразу же чувствовалось, что она «свободна». Такие вещи Ларин ощущал очень тонко. Передвигалась она с грациозностью молодой пантеры. Легкие шелковые шорты с белыми лампасами не облегали бедра, а переливались на ветру свободными складками. А потому самые соблазнительные части ее тела приходилось додумывать, автоматически включая фантазию.

Андрей, как и большинство мужчин, завидев женщину подходящего возраста, в мыслях «примеривал» себя к ней – подойдет, не подойдет. Вполне невинное занятие. Она – подходила. Но это, конечно, ничего не значило. Не покупаем же мы в магазинах все, что нам приглянулось. Выходим на улицу и забываем о понравившихся вещах. На голове у бегуни была повязана майка, так что даже понять, брюнетка она или блондинка, было невозможно, что вновь автоматически заставляло думать о ней: какого цвета волосы, длинные они или коротко подстрижены. Глаза прикрывали большие солнцезащитные очки. На стройной шее болтался на тесемке электронный секундомер. Зато вот с грудью под полоской купальника имелась почти полная ясность – округлая и упругая, не тряслась при беге, не большая и не маленькая.

«В самый раз, чтобы в мою ладонь лечь», – машинально подумал Андрей.

Женщина была уже совсем близко. Понять, смотрит она на Ларина или нет, ведь женщины тоже «примеривают» мужчин, было невозможно, мешали солнцезащитные очки. А вот губы расплывались в загадочной улыбке. Он старался не глазеть на ее тренированное тело. Годами тренировок отлично развил боковое зрение, хватало и его, чтобы оценить достоинства

и недостатки. Теперь им предстояло разбежаться в разные стороны. Женщина приняла чуть ближе к воде, то же самое в этот момент сделал и Андрей. Тут же они одновременно приняли в другую сторону. Пришлось улыбнуться друг другу. Ларин жестом показал, что следует разойтись по «автомобильным правилам» – обоим держаться правой стороны. Набежала волна, Ларин заметил лежавший на песке кусочек янтаря. Пробежал мимо него, остановился и обернулся. Как оказалось, женщина тоже остановилась и обернулась. Оба беззаботно рассмеялись.

– Берите, янтарь ваш, – предложил Андрей. – Я на него не претендую.

– Нет, это вы первый его заметили, он ваш, не возьму, – стала отказываться молодая, разгоряченная бегом женщина, в ложбинке ее груди поблескивали капельки пота.

Пока они игриво упражнялись в вежливости, Ларин успел подумать, что, вообще-то, он имеет полное право завести короткий пляжный роман. Женщина красивая. Ничего обещать он ей не станет, кроме приятного времяпрепровождения. К тому же их встреча произошла абсолютно случайно. Не выброси море кусочек янтаря, разбежались бы в разные стороны, не обменявшись и парой слов. Значит, и подставы со стороны охотников за антикорами быть не могло. К знакомству с женщинами Ларин всегда подходил с осторожностью. Уже не один агент тайной организации стал их жертвой.

– Не возьму, – покачала головой красotka.

– Не оставлять же его, красивый, – Ларин окончательно решил, что попытается закрутить безопасный для себя роман.

– Пока мы с вами препираемся, его волной унесет, – кокетливо склонив голову к плечу, произнесла незнакомка. – Вон, как раз большая набегают, настоящий «девятый вал».

Зашумела надвигающаяся пенная волна, вода понеслась по песку, сглаживая, смывая следы ног. Ларин нагнулся, успел зажать кусок янтаря в пальцах, поднял, и сразу же его беззаботное настроение улетучилось. Теперь стало понятно, почему прежде волны не смывали кусочек ископаемой смолы обратно в море. Из янтаря торчала впаянная в него проволока сантиметров десять длиной – этакий якорь, воткнутый в песок. Выходит, все было подстроено!

– Чего ты такой испуганный? – спросила женщина. – Шпильки для волос никогда не видел? – она сорвала с головы завязанную майку, длинные темные волосы рассыпались по плечам, очки упали на песок.

Только сейчас Ларин узнал Лору, свою напарницу по антикоррупционной тайной организации – тяжело вздохнул.

– Ну, ты и стерва. Зачем маскарад устроила?

– Маскарад? Просто тренируюсь в перевоплощениях, чтобы квалификацию не потерять. А настоящая женщина и должна быть стервой. Только на таких вы, мужики, внимание обращаете. А признайся, подумал же, что неплохо было бы с такой бабенцией роман закрутить?

– Ничего подобного.

– Подумал, я же знаю. От тебя флюиды исходили, вот только теперь их, как ножом отрезало. В некоторых вопросах мужики – очень примитивные существа, типа варанов.

– Варанов? – переспросил Ларин. – Лора, при чем здесь вараны? Мы с тобой не в Каракумах сейчас находимся, хотя и песок вокруг. Но дюны – не совсем барханы.

– Варан ползет, в стенку головой упирается, на месте топчется и не может понять, что ее можно обойти стороной. Вот и вы так. У всех мужиков эрогенная зона на конце сам знаешь чего находится, а у стервы – в мозгу, – Лора приложила указательный палец ко лбу.

– Ты зачем в Паланге объявилась?

– Дугин тебя видеть хочет. Дело для нас новое появилось. Я уже согласие дала. Думаю, и ты не откажешься.

– Когда вылетать?

– Зачем «вылетать»? Павел Игнатьевич здесь, в Паланге. Даже сейчас за нами наблюдает, – Лора привстала на цыпочки и помахала над головой руками.

Ларин всмотрелся в пейзаж и заметил на балконе мансарды одного из старых деревянных особняков блик от подозрной трубы. Тоже махнул рукой.

– Побежали, Дугин ждать не любит, – Лора затрусила к деревянной лестнице, ведущей сквозь дюны к променаду.

– Должен признать, на этот раз ты меня переиграла. Как сумела с янтарем подстроить?

– Проще простого. Вчера с секундомером за тобой наблюдала. Ты с постоянной скоростью бежишь. Вот и пришлось решить арифметическую задачку для начальной школы. Из пункта «А» выбегает озабоченный мужчина, навстречу ему из пункта «Б» – соблазнительная и очень умная стерва. Вопрос, с какой скоростью она должна бежать, чтобы они встретились точно возле воткнутого в песок куса янтаря?

– С арифметикой у тебя, Лора, в порядке.

Мужчина и женщина подбежали к металлическим воротам старого деревянного особняка. Лора нажала кнопку переговорного устройства.

– Это мы, – сказала она в микрофон.

Дистанционный электрический замок щелкнул, впуская гостей на территорию. Во дворе росли старые высокие туи, скорее всего посаженные еще до войны. Почти ничего новомодного здесь не наблюдалось. Даже дорожки были вымощены не бетонной плиткой, а камнем. Чувствовалось, что здесь с уважением относятся к старому облику здания.

– Вижу, ты уже тут бывала, – сказал Ларин Лоре, когда она уверенно подошла к двери черного входа.

– Парадное здесь всегда закрыто, – предупредила женщина. – Ты же знаешь, как Павел Игнатьевич на безопасности заморачивается.

– И правильно делает.

Дугин ждал гостей на широком балконе мансарды, рядом с ним, сидевшем в плетеном кресле у круглого стола, высилась тренога с мощной подозрной трубой.

– Добрый день. Присаживайтесь, – поздоровался он. – Ты не в обиде, что я решил прервать твой заслуженный отдых?

– Можно было сделать это и другим способом, – парировал Ларин, глянув на Лору. – Более спокойным.

– Это ее самодеятельность, но можешь считать ее одной из моих проверок, которую ты провалил, – клюнул на незнакомку. А ведь, случается, их специально засылают из стана врага, – ухмыльнулся Павел Игнатьевич. – Лора умеет поддерживать в людях тонус. С ней следует держать ухо востро. Расслабиться никому не позволит.

– Не надо делать из меня какого-то монстра, – самодовольно улыбнулась напарница Ларина. – Я всего лишь состоявшаяся стерва, – а затем как-то почти по-ребячески она обратилась к Дугину: – Инструктаж я уже получила. Можно, пока вы с Андреем поговорите, я пейзажами полюбуюсь? В подозрную трубу можно много интересного увидеть.

– Любишься, – разрешил Павел Игнатьевич.

Лора поднялась, скрипнув плетеным креслом, припала глазом к окуляру трубы, повела ее вдоль пляжа.

Пейзаж с балкона открывался великолепный. Море, изборожденное белыми бурунчиками волн, горбы дюн, аккуратные особняки в зелени.

– Никогда не думал, что у нашей организации есть оперативная вилла в Паланге, – сказал Ларин. – Вроде бы мы на территории Литвы не работаем.

– Это не оперативная вилла, а моя личная, – усмехнулся Дугин. – Оформлена, конечно же, не на меня, а на дальнего родственника. Ну, как это и положено у коррупционеров.

– Не понял, – прищурился Ларин. – Вы шутите, Павел Игнатьевич?

– Я серьезен, как никогда, – пожал плечами Дугин. – Конспирация в нашем деле – главная составляющая. Если я стану жить, как говорится, на одну зарплату, то буду в своем главке

выглядеть «белой вороной». Так до нашей организации быстро докопаются. Потому и приходится «подворовывать», чтобы стать таким, как все, раствориться в массе высокопоставленных силовиков. Пришлось себе виллу купить на берегу Балтики. Ну, а Лора при отъезде чудесно сыграла для моего начальства роль молодой любовницы.

– Однако... дожились, грани добра и зла размываются, – покачал головой Андрей.

– Это не самые страшные жертвы, на которые приходится идти ради борьбы с коррупцией. А насчет граней, то четко их никогда не существовало и не существует, Андрей. Береговая линия, она только на карте четко прорисована. А на самом деле волны набегают, уходят назад. Продвигаются и отступают приливы. Вот и пойми, где кончается суша и начинается море. Кстати, о море, – тон, каким говорил Дугин, моментально сменился с философского на деловой. – Ты в курсе насчет крушения сторожевого корабля «Бесстрашный» в Желтом море?

– В новостях по телевизору видел.

– На данный момент этого достаточно. Ты веришь в официальную версию?

– Столкновение с натовской субмариной? Это ахинея еще большая, чем с гибелью «Курска», – уверенно и без раздумий ответил Ларин. – Обычное кораблекрушение пытаются выдать за диверсию. Не понимаю, зачем? Жаль, что люди погибли. Но сбивать себе политический капитал на человеческой трагедии аморально.

– Насчет капитала, сколоченного на трагедиях, это ты в самую точку угодил. Только он, подозреваю, не политический, а измеряется в дензнаках с восьмью-девятью нулями. Зеленых дензнаков, разумеется.

– Если вы подозреваете, то наверняка есть для этого и основания?

– Имеются. Погибли не все члены экипажа. Один спасся – это абсолютно точно. Его подобрало российское рыболовецкое судно. Сейнер, кажется. В отчете прочитаешь подробнее.

– Почему об этом не передавали в новостях? Или независимые СМИ все же вбросили информацию?

– О спасшемся знает очень ограниченный круг лиц. Даже мне с трудом удалось узнать. Старший помощник командира сторожевика «Бесстрашный» Николай Медведкин был поднят рыбаками на борт в очень тяжелом состоянии, в сознание приходил лишь пару раз, на короткое время. Его забрал вертолет береговой авиации. Догадайся с трех раз. Где он сейчас?

– В больнице.

– Правильно. Но это больница СИЗО. Там он в полной изоляции. С ним плотно работают следователи. В чем его обвиняют, мне неизвестно. Все делается в строжайшем секрете. Старпома усиленно охраняют. Доступ к нему только у проверенных тюремных врачей.

– Значит, что-то знает?

– Несомненно. И в его показаниях наверняка не фигурирует американская субмарина. А что-то другое, чего ни флотское начальство, ни Министерство обороны не собираются предавать огласке.

– Чего добиваются от старпома? В таких случаях практикуется физическое устранение опасного свидетеля. С ним это сделать легко и без всяких подозрений. Сердце не выдержало, обширный инсульт случился.

– Возможно, хотят узнать, что именно он успел рассказать, когда его подобрали. Или же внушают дать «нужные» показания. А уберут его потом, после выздоровления. Скажем, собьет человека машина. Вариантов масса. Знал бы точный ответ, тебя не тревожил бы. Необходимо узнать реальные обстоятельства гибели «Бесстрашного» и его экипажа. Главное внимание уделить сопутствующим обстоятельствам. Только учти, за этим серьезные силы стоят и большие деньги. Просто так тебя к секретам не подпустят.

– А кто и когда меня свободно к секретам подпускал? – прищурился Ларин. – Конечно же, берусь. Только давайте решим, кто в нашей группе кому подчиняется. Лора мне или я ей?

– Вы оба – мне. А в каждом конкретном случае по обстоятельствам.

Лора оторвалась от окуляра трубы.

– Андрей. Конечно же, в нашей группе ты главный. Но только учти, умная женщина всегда сумеет сделать так, как ей надо, а ты этого даже не заметишь.

– Главное, чтобы результат был, – подвел черту под разговором Дугин.

* * *

Николай Медведкин пришел в себя, открыл глаза. Не сразу вспомнил, где он находится. Ему показалось, что он по-прежнему в холодной воде, его качают волны, а над головой затянутое тучами небо. Но тут зрение сфокусировалось, он увидел над собой ровно побеленный потолок, блестящий штатив капельницы, прозрачная трубка катетера тянулась к его локтевому сгибу. Затем, словно выхваченные из небытия вспышками стробоскопа, перед его внутренним взором пронеслись картинки. Низко пролетающий над спасательным плотиком вертолет... Командир «Бесстрашного», облаченный в оранжевый спасательный жилет, остекленевшими неподвижными глазами смотрит в небо, через его лицо переплескивает вода... Сгущающиеся сумерки, кто-то заботливо тащит его, подсаживает на борт сейнера... Стрекот винтов, гул турбины, он, пристегнутый к носилкам ремнями, в салоне вертолета...

– Ты меня слышишь? – между старпомом и потолком возникло малоприятное лицо, отечные веки, цвет глаз тусклый, серый, как море в непогоду.

В вопросе не слышалось и капли сочувствия. Спрашивающего интересовал только сам факт – слышат ли его?

– Слышишь? Можешь говорить? Тогда продолжим.

Вот это «продолжим» окончательно и вернуло старпома в реальность. Он вспомнил, где он находится, – в тюремной больнице. Вспомнил и мужчину, нависшего над ним, – следователь военной прокуратуры Ковригов, донимавший его вопросами.

– Итак, – полетели рубленные слова. – Что произошло на корабле? Как оказался за бортом? Как спасся?..

– Я уже говорил, – язык тяжело ворочался во рту, старпом ощущал свое тело, как бесформенную ноющую массу. – Отказал один дизель. Корабль развернуло к волнам бортом. От удара обшивка разошлась... Стала прибывать вода... Оборвало тягу руля... Когда...

– Эти твои бредни я уже слышал. Не верю. Понял? Ты и твой командир трусы, паникеры, бросили боевой корабль на произвол судьбы вместо того, чтобы бороться за его живучесть. Вы же свой экипаж за время капремонта морально разложили. Пьянство, бабы. На борту у вас спиртного немерено было, перепились все вместе с командиром. Вот и погубили и корабль, и экипаж. Как спасся?

– Мы с командиром последними борт покинули...

– И это твое вранье я слышал, – тут же отсек воспоминание следователь Ковригов. – И ты, и твой командир – паникеры. Что дальше было?

– Мы вертолет увидели. Думали, он спасать нас прилетел.

– Что ты тем, кто тебя подобрал, рассказывал?

– На сейнере?

– На нем самом.

– Ничего не помню, я уже без сознания был, когда меня на палубу подняли.

– Врешь. Вспоминай.

– Ничего не помню.

В кармане у следователя «зачирикал» мобильник. Ковригов поморщился и поднес трубку к уху.

– Слушаю.

Николай Медведкин успел расслышать волевой голос, исходивший из телефона.

– Ну, что там у тебя? Он на сейнере успел проболтаться?

– Я сейчас выйду, – Ковригов покосился на старпома, бросил ему: – Вспоминай! – и вышел в коридор.

Медведкин напряг слух. Он уже понимал, что следователь не хочет слышать правду. И так происходит скорее всего потому, что он эту правду сам прекрасно знает. До слуха старпома долетали обрывки разговора, который вел Ковригов.

– ...слишком много знает... списать его придется, по-другому – никак... а я что, виноват в том, что он жив остался? Это ваша недоработка...

Старпом, хоть и был слаб, но соображал, к чему ведутся такие разговоры. Ближайшее будущее прорисовывалось вполне ясно. И требовалось что-то делать. Но что может сделать человек, которому и встать-то сложно? А если бы и мог подняться? Что в этом толку? Из тюремной больницы не убежишь...

Ковригов вернулся в палату, склонился к старпому.

– Значит, то, что тебя сейнер подобрал, ты помнишь. А то, что говорил тем, кто тебя спас, забыл? Нелогично получается.

– Нелогично, – согласился Медведкин.

То, что произошло в следующую секунду, следователь не мог себе и в страшном сне представить, ведь он допрашивал полуживого. Старпом набросил ему на шею самодельную удавку, выдернутую из капельницы трубку-катетер. Петля мгновенно затянулась. Да, Николай Медведкин не мог стоять на ногах, но в руках сила осталась. Ковригов попытался освободиться, схватив старпома за запястья, но даже не смог чуть ослабить петлю. Кадык вдавило в шею, следователь не мог вдохнуть и глотка воздуха... Кровь переставала поступать в мозг. Глаза вылезали от напряжения из орбит, губы посинели.

Старпом хрипел от напряжения. Если бы вместо прозрачной трубки в его руках оказалась рояльная струна, то шею, которую она обхватывала, уже перерезало бы до позвонка.

Ковригов опустил на колени. Глаза его закатились, между век виднелся покрасневший белок. Наконец следователь безвольно разжал пальцы. Старпом еще несколько секунд продолжал тянуть удавку, а потом отпустил ее. Следователь осел на пол.

Медведкин прислушался. Все произошло почти бесшумно. Ковригов не успел вскрикнуть, никто не поспешил ему на помощь. Старпом повернулся на бок и дрожащей после предельного напряжения рукой полез в нагрудный карман следователя. Трубка мобильного оказалась на месте. Сейчас она казалась Медведкину спасительным ключиком, способным сохранить ему жизнь. Он уже все продумал за то короткое время, пока следователь беседовал с кем-то могущественным по телефону.

«Раз они боятся того, что мне известно и даже готовы физически меня устранить, – примерно так рассуждал старпом, – то следует дать о себе знать миру. Вот тогда мое убийство потеряет для них смысл. Наоборот, им придется с меня пылинки сдувать».

Однако нормальный среднестатистический человек не держит в памяти телефоны редакций газет, радиостанций, они ему не нужны в обыденной жизни. Не знал этих номеров и старпом «Бесстрашного». К спасительному ключику вдобавок требовался и «цифровой семизначный код». Эта проблема решилась достаточно быстро. Медведкин позвонил в справочную, где и получил номер радиостанции «Свобода». Девушка-оператор произнесла цифры и тут же отключилась. Боясь забыть хоть одну из них, Медведкин набрал номер.

Трубку сняли тут же, но сразу же и предупредили.

– «Свобода». Не отключайтесь, я скоро отвечу, – прозвучало в наушнике.

Затем старпом около минуты слушал доносившийся издали разговор секретарши с кем-то из сотрудниц станции. Разговор, на его взгляд, абсолютно бесполезный и даже глупый, хотя он и касался работы. Лежавший на полу следователь вздрогнул, шумно набрал воздух в

легкие и заворочался. Правда, в себя так и не пришел. Наконец в трубке прозвучало очень вежливое:

– Чем могу вам помочь?

– Я Николай Медведкин – старпом со сторожевика «Бесстрашный».

– Я понимаю. Так чем я могу вам помочь?

По тону, каким это было сказано, стало ясно, что секретарша не в курсе новостей. Название сторожевика не произвело на нее ни малейшего впечатления.

– Это очень важно. У меня есть информация о том, как погиб экипаж. Я хочу рассказать об этом. Срочно. Вопрос жизни и смерти.

– Я сама не журналистка...

Все происходило совсем не так, как в фильмах, которые смотрел старпом. До этого ему казалось, что за него тут же «ухватятся».

– ...сейчас соединю вас...

В трубке слышались щелчки. На этот раз на том конце линии раздался заинтересованный голос.

– Вы старпом с «Бесстрашного»? Но в официальном сообщении было передано, что весь экипаж погиб. Как ваша фамилия? Я записываю наш разговор.

Медведкин назвал и принялся сбивчиво, торопясь, рассказывать, как все произошло. Журналист переспрашивал, уточнял. Старпому все казалось, что ему не верят. Он и сам, если бы не пережил такое, никогда бы не поверил, что подобное могло случиться в наши дни.

– Откуда вы говорите?

– Из тюремной больницы...

Это было последнее, что успел сообщить старпом. Телефон в его руке отключился. В дверь палаты вбежали трое дюжих охранников с дубинками. Били наотмашь, со всей силы, не разбирая, куда придется удар. Сперва Медведкин еще пытался прикрываться руками, но потом вырубился, а его продолжали колотить.

Ковригов уже сидел на полу, но даже не пытался остановить экзекуцию. Наконец охранники остановились сами. Тяжело дыша, смотрели на не подававшего признаки жизни старпома.

– Врача позвать надо, – произнес один из них отстраненным тоном.

– На хрена?

– Должен же он смерть засвидетельствовать.

...Морг, наверное, самое тихое место в мире. Люди избегают там говорить в полный голос. Также это и самое мрачное место, особенно если морг тюремный. Голое тело старпома сторожевика «Бесстрашного» Николая Медведкина лежало на столе из нержавеющей стали. Патологоанатом Петр Крейдич, немолодой мужчина с опухшими веками, «колдовал» над ним. Кисти руки, затянутые в тонкие латексные перчатки, сжимали – одна скальпель, вторая зажим. Острое лезвие легко отделяло кожу от мягких тканей. Крейдич вынул селезенку, уложил ее на приставной столик, принялся рассматривать ее со всех сторон, словно кусок мяса на базарном прилавке. Указательным пальцем он вдавил кнопку на цифровом диктофоне, завернутом, чтобы не испачкался, в прозрачный пакетик. Вспыхнула красная кнопка, свидетельствующая, что запись «пошла».

– Кроме сквозного огнестрельного ранения в правое предплечье, также в результате вскрытия зафиксирован разрыв селезенки. Причина – неоднократное внешнее воздействие, предположительно удары, наносимые тупым продолговатым предметом, возможно, армированной дубинкой. Наносивший удары – левша, он находился выше занимавшего горизонтальное положение Медведкина. Судя по количеству вытекшей в брюшину крови, разрыв произошел за несколько минут до наступления летального исхода и сам по себе не мог являться причиной смерти.

Патологоанатом выключил диктофон, зевнул и ловко принялся прорезать кожу на голове мертвеца, шел по границе волосяного покрова. Сделав разрез, сдвинул волосы на затылок, обнажив череп, поцокал языком. Вновь вспыхнула индикаторная лампочка диктофона.

– Свод черепа проломлен в двух местах... В затылочной части наблюдается проникновение осколков во внутренние области, возможно, и в мозг, что могло послужить причиной смерти. Удар был нанесен сверху вниз тупым продолговатым предметом, зажатый в левой руке. Точное установление степени повреждения и возможности сочетаемости полученной травмы с жизнью можно сделать лишь после трепанации черепа.

Петр Крейдич взял со столика миниатюрную аккумуляторную дрель и педантично просверлил в черепе ряд дырочек, после чего опустил на глаза защитные очки и вооружился похожим на гусиное яйцо инструментом, на валу которого была насажена тонкая фреза. Загудел моторчик, мелкие зубья врезались в кость, полетели костяные опилки. И в этот момент патологоанатом почувствовал, что дверь в анатомический зал отворилась. Потянуло сквозняком, на пол легла полоса дневного света. Крейдич с неудовольствием остановил фрезу, раздраженно буркнул:

– Не видите, я работаю.

Его всегда раздражала манера следователей вмешиваться в его работу – их попытка узнать результаты вскрытия раньше того, как будет готово официальное заключение. Он и сейчас хотел сказать что-то вроде того: «Получите мое заключение на руки, тогда читайте и спрашивайте, сколько угодно. А сейчас я занят».

Но эти справедливые слова так и не прозвучали. Крейдич уставился на Ковригова, которого видел до этого момента лишь мельком. Патологоанатом даже не сразу его признал. Уж больно следователь походил на одного из его мертвых «пациентов». Распухшую, посиневшую шею украшали красные рубцы. Казалось, что по недоразумению ожил один из висельников, а их, работая в морге тюремной больницы, патологоанатом рассмотрел немало.

– Я хотел раньше к вам заглянуть, – хрипло и отрывисто произнес Ковригов. – Но... – он не договорил и надрывно закашлялся, приложив ладонь к шее.

– Понимаю и сочувствую, – отстраненно произнес Крейдич. – Однако род моих занятий...

Ковригов вскинул руку, останавливая медика.

– Слушай сюда, лепила, – бесцеремонно проговорил он. – Мне говорить тяжело. Не надо ему черепушку вскрывать. Лишнее. По-другому сделаем. Держи, – следователь положил на приставной столик увесистый конверт, отвернул клапан, внутри виднелась тугая пачка долларов.

– Взятка? – вскинул брови Крейдич. – От кого?

– Ну не я же тебе плачу и тем более не тюремные вертухаи, которые его отходили. Есть люди повыше, – следователь военной прокуратуры посмотрел на потолок. – Пока они с тобой по-хорошему разругать хотят. А могли бы элементарно и заставить. Возьми деньги да напиши правильное заключение. Ну, типа того, что пациент скончался от несовместимых с жизнью травм, полученных в результате кораблекрушения, переохлаждения. Мол, спасти его было невозможно. Зачем вертухаям жизнь осложнять?

Крейдич задумался. Он был неглупым человеком, понимал, что за следователем стоят серьезные люди. В тюремном морге ему работать и дальше. Патологоанатом почти не рисковал, принимая взятку и выполняя просьбу.

– Я согласен, – произнес он, еще не подозревая, во что себя позволяет втянуть.

– Ну и лады, – Ковригов придвинул конверт поближе к Крейдичу.

Глава 3

В деревушке под Псковом собрались немногочисленные родственники старпома Николая Медведкина. Дочь решила хоронить его на родине. Все-таки в деревне все еще жила его сестра с детьми, будет кому за могилой присмотреть. Со своей семьей старпом не жил практически от рождения дочери. Типичная флотская история. Она вышла замуж за Медведкина лишь с одной целью: после рождения ребенка развестись и получать от бывшего мужа немалые алименты. Вот и не сложилась у него семейная жизнь, все свое время отдавал службе.

Солнце уже клонилось к вечеру, а обещанный от военкомата автобус с телом покойного все еще не прибыл. Ларин, приехавший в деревню вместе с Лорой под видом покупателей одного из пустующих домов, уже прошелся по улице, осмотрел несколько изб. Стоили те недорого, по московским меркам, сущие копейки, и если бы Андрей в самом деле являлся любителем рыбалки, то сделал бы хорошее приобретение. Однако цели у него были совсем другие.

Стало понятно, что похороны сегодня не состоятся, хоть местные мужики уже с самого утра и выкопали могилу. После захода солнца хоронить не принято. Да и приехавший из райцентра священник уже укатил домой, пообещав приехать завтра с утра. Вот Андрей и договорился с соседями заночевать со своей напарницей в одном из пустующих домов, а пока ходил с Лорой по деревне, присматриваясь к тем, кто приехал на похороны.

Мужчины, поняв, что сегодня уже «ничего не будет», понемногу выпивали, женщины готовились к завтрашним поминкам и тоже приняли по рюмашке. Чувствовалось, что никто из смерти Николая Медведкина большой трагедии не делает, люди слабо его помнили, в последний раз видели давно. Из всех приехавших на похороны выделялся немолодой мужчина, явно офицерской флотской выправки, хоть и одет был в гражданское. Он не пил спиртного, держался особняком, по большей части сидел на бревнах перед домом сестры покойного.

Подходить к нему и заговаривать Ларин не спешил, тот вполне мог оказаться одним из тех, кому было выгодно представить смерть старпома как последствие кораблекрушения. Осторожно переговорив с одним из подвыпивших дальних родственников Медведкина, Лора выяснила, что этот мужчина – вроде давний приятель покойного, когда-то вместе проходили практику на флоте, потом переписывались, временами встречались. Зовут его Виктор Соболев, звание кап-лей, сейчас в отставке. Во всяком случае, он сам так отрекомендовался родственникам.

– Сказать можно все, что угодно, – справедливо ответил Лоре, узнав эту информацию, Ларин. – Надо будет для дела, я могу и советником римского папы назваться.

– А я римской мамой, – согласилась Лора.

Наконец на улице показался катафалк-микроавтобус. Гроб сопровождали двое флотских офицеров, явно не строевых, а «паркетных». Ларин близко не подходил, наблюдал за всем со стороны. Сопровождающие дали на подпись дочери покойного документы. И тут произошел неприятный инцидент.

– Почему он в цинковом гробу? – шагнув к катафалку, заявил кап-лей Соболев.

Один из флотских посмотрел на кап-лея, прищурившись.

– На него не стоит смотреть родственникам.

– Я требую открыть.

– Кто вы такой?

Оба флотских уже стояли плечо к плечу.

– Я его давний друг. И у меня есть подозрения насчет причин гибели Николая.

– Друг – юридически это никто, – прозвучало в ответ. – Такие вещи решают только родственники.

Сказав это, флотский тут же отошел к сестре и дочери, стал с ними шептаться. До острого слуха Ларина долетали обрывки разговора. Флотский напоминал о том, что со времени смерти прошло много времени, к тому же производилось вскрытие. Напоминал о том, что похороны проходят за счет Министерства обороны, а еще, от этого же ведомства, уже оказана материальная помощь. Потому и ответ ближайших родственников был однозначен. Мол, гроб вскрывать не стоит.

– Не по-христиански это, тревожить мертвого, – сказала сестра покойного, и все сельчане вместе с дочерью, практически не помнившей отца, с осуждением посмотрели на Соболева.

Кап-лей вроде смирился, больше ничего не требовал. После недолгого совещания решили поставить гроб с телом старпома не в доме, а в кладбищенской часовне, чтобы потом, с утра, когда приедет священник, сразу же отпеть его и предать земле рядом с могилами его отца и матери.

Один из флотских куда-то позвонил. Вскоре прибыл участковый полицейский, они пошептались, и только тогда катафалк вместе с флотскими покатил в направлении к железнодорожной станции.

– Ты посмотри, как этот лейтенантик-участковый старается делать вид, будто просто приехал на похороны. На самом деле его приставили смотреть за кап-леем, чтобы чего не учудил. Все-таки мы не зря приехали, – сказала Лора. – Смотри, смотри. Вон, участковый пошел на кладбище часовню проверять.

Стемнело. Ярко горел свет в доме Медведкиных, из открытого окна долетали голоса подвыпивших участников похорон, кто-то даже попробовал затянуть песню. Но его быстро призвали к порядку. Кап-лей вышел на крыльцо, осмотрелся, юркнул в сарай и вскоре вышел оттуда, прикрывая что-то полкой куртки. Скрипнула калитка, и Соболев, держась поближе к заборам, двинулся к кладбищу.

– И мы следом, – шепнула Лора. – Только не засветись. Парень-то умелый, спецназовец.

Ларин с напарницей дождались, пока кап-лей в отставке переберется через кладбищенскую ограду, и только после этого вышли на улицу. Лора постояла у ограды кладбища, всматриваясь в темноту. За малюсеньким окном часовни чуть заметно полыхал огонь лампадки, затем что-то вспыхнуло ярче, негромко загудело. За пыльным стеклом запылало призрачное голубое свечение.

– Прямо мистика какая-то, – произнесла Лора. – Привидений нам еще не хватало.

– Привидений не существует, – проговорил Ларин, перебираясь через ограду и помогая перелезть через нее Лоре.

Немного не доходя до часовни, они чуть не споткнулись об участкового, тот лежал поперек безымянного могильного холмика, оглушенный, связанный, с заклеенным скотчем ртом, но явно был жив, дышал через нос. Самое странное, что «табель» оставался при нем, ручка торчала из кобуры.

– Однако, – только и сказал Ларин.

– Интересно, он за «наших» или за «фашистов»? – спросила Лора, имея в виду кап-лея.

Вдвоем они подкрались к окошечку часовни, заглянули в него. Тускло горела лампадка. На полу гудела, полыхала синим огнем паяльная лампа, из-под крышки цинкового гроба торчала отвертка, которой явно пытались его вскрыть, растапливая припой жаром лампы. А вот кап-лея нигде не было видно.

Ларин резко обернулся, почувствовав опасность. Но даже толком не успел рассмотреть, что произошло. Что-то тяжелое ударило ему по голове, и он моментально вырубился.

Когда Андрей открыл глаза, Лора стояла перед ним на коленях и легонько била по щекам, приводя напарника в чувство. Неподалеку высился кап-лей Соболев, сжимавший в руке пластиковую бутылку, наполненную песком. Как понял Ларин, ею он и ударил его по голове.

– Всегда лучше сначала поговорить, а потом уже бить, – раздраженно произнесла Лора, оборачиваясь к Соболеву.

– Я понял немного, но главное, что вы не из этих, – он явно имел в виду флотских, сопровождавших гроб. – Я думаю, его убили.

– Нас тоже интересуют обстоятельства гибели старпома, – сказал Ларин, поднимаясь с кладбищенской земли.

– Не знаю, кто вы, но враг моего врага – мой друг. Надо вскрыть гроб, иначе не поймем, – предложил кап-лей.

– Согласны, – сразу за двоих ответила Лора.

Гудела паяльная лампа, капал на земляной пол старой часовни растопленный припой. Соболев ловко орудовал отверткой, приподнимая оцинкованную крышку. Наконец она отошла.

– Постой, на всякий случай, на стреме, – бросил напарнице Андрей.

Женщина удалилась на улицу. Мужчины открыли гроб. Ларин подсветил фонариком мобильника. Внутри покоилось голое тело Николая Медведкина. Его скомканная военноморская форма лежала в ногах. На теле явственно виднелись следы от сильных ударов. Из небрежно пришитого скальпа торчали неаккуратные стежки черных ниток. Ларин сделал несколько снимков на камеру мобильника.

– Может все-таки это следы ударов, полученных при кораблекрушении? – предположил он.

– Ага, а сквозной огнестрел на правом предплечье – тоже следы волн? – не согласился Соболев.

– Тихо, – прошептала неожиданно объявившаяся в часовне Лора.

Паяльная лампа погасла. Стало слышно, как на кладбище пиликает мобильник.

– Это у участкового, – тут же определил Ларин. – Уходить надо, – он вышел за дверь и тут же чертыхнулся.

По аллейке от ворот – от машины к часовне уже спешили те самые двое флотских. Один из них прижимал к уху трубку. В синеватом свете экрана его лицо казалось мертвым.

– Заснул он там, что ли? – сказал его напарник.

– А чего, нажрался и спит... – флотский осекся, глянул на часовню. – Туда давай, – проговорил он и бросился бежать, на ходу вытаскивая пистолет и наворачивая на его ствол глушитель.

Ларин глянул на кап-лея.

– Ты им свое настоящее имя сказал?

– Я ж не думал, что все будет так серьезно, – ответил Соболев. – Вы уходите, а я знаю что делать, – сказав это, кап-лей беззвучно растворился в кладбищенской темноте.

Ларин с Лорой метнулись к ограде, захрустели кусты. Вслед им раздались приглушенные хлопки выстрелов.

– Куда ты? – спросила Лора, когда Андрей определил движение к машине флотских, стоявшей напротив ворот кладбища.

– Беги к нашей машине. Подхватишь по дороге на райцентр.

Лора спорить не стала. Знала, что без четкого плана Ларин не стал бы рисковать.

Андрей присел у переднего колеса, вытащил перочинный нож и проколол покрывку. Воздух с предательским шипением стал выходить наружу.

– Вон он, гад! – закричал один из флотских.

Ларин не стал терять время на то, чтобы прокалывать второе колесо, нырнул в кювет и побежал вдоль дороги. За ним погнались, захопавали выстрелы. Но стрелять на ходу из пистолета – дело сложное. Наверху – на шоссе блеснули фары машины. Андрей взбежал на откос, прыгнул в предусмотрительно распахнутую Лорой дверцу. Взревел мотор.

В бессильной злобе флотские еще пару раз выстрелили вслед.

– Пешком их не догонишь, – сплюнул под ноги один из них.

– Их точно двое было? – спросил второй.

– Если только на заднем сиденье еще один не прятался. Пошли. Проверим.

Кап-лея Соболева флотские нашли в саду, он спал на раскладушке под яблоней, в свисавшей до самой земли руке сжимал недопитую бутылку водки.

– А... вредители пришли, – пьяно прищурился он на флотских, когда те наконец растолкали его, отхлебнул из горлышка. – Гроб, суки, не открыли. Ничего, просплюсь, потом вы уедете, я его все равно выкопаю, – и бывший подводный пловец вновь лег, через пару секунд он уже храпел.

– Кажется, он просто безвредный идиот и алкаш, – сказал один из флотских. – Не он на кладбище был. Это те двое. Мужик и баба, что рядом крутились. Они мне сразу не понравились.

В деревне никто не заметил случившегося на кладбище. Флотские по-быстрому вновь запаяли гроб в часовне, благо паяльная лампа была еще теплой. Лишь после этого они развязали незадачливого участкового. Тот так и не сумел вспомнить, кто и как аккуратно врезал ему сзади по голове.

– Значит так, лейтенант, – флотский подошел к нему вплотную. – Запомни, так будет лучше для всех нас. Ничего не было, никто тебя по голове не бил. Ты просто подежурил у часовни, убедился, что все в порядке, и вернулся в дом Медведкиных. Держи свой «табель». Скажи спасибо, что мы тебе его вернули. А теперь пошли, поможем нам колесо поменять... Гвоздь где-то схватили...

* * *

Солнце клонилось к западу. Теплый вечерний ветер нежно проходил волнами по пшеничному полю. Плакучие ивы отражались в зеркальной поверхности пруда. Деревня издалека казалась вымершей – ни одного человека на улице. Окна во многих домах были заколочены досками, сквозь повалившиеся заборы густо проросла крапива. Даже улица, и та зеленела травой, в которой лишь слегка угадывались две пробитые машинами колеи. Коренных жителей в деревне оставалось раз-два и обчелся – древние старушки, жившие тут лишь летом, на зиму дети разбирали их по городам. Изредка некоторые потомки деревенских приезжали в родительские дома собрать урожай ягод и фруктов, отдохнуть, сходить по грибы, порыбачить, выкосить крапиву с лебедой и чертополохом. Но случалось такое лишь по выходным. В будние дни вымирающее селение вновь «впадало в кому».

Однако три дня тому назад здесь объявился более-менее постоянный житель – Петр Павлович Крейдич. Дом его покойных родителей был еще вполне крепким, во всяком случае, рамы не сгнили, крыша особо не протекала, вот только всякие сорняки разрослись в человеческий рост. Наследник не любил сюда приезжать, но судьба заставила. Лишь только он дал нужное официальное заключение по вскрытию тела старпома сторожевика «Бесстрашный», как начальство тут же отправило патологоанатома в отпуск. Отдохнуть Крейдич собирался уже давно, а тут еще и незапланированные деньги появились в конверте. Но перед уходом в отпуск Петра Павловича строго-настрого предупредили, что покидать территорию области в ближайшее время ему не рекомендуется. Вот и пришлось отправиться в родовое гнездо.

В первый день он прорубил ржавой дедовой косой дорожки к калитке и туалету. Большого ему и не требовалось. Приехал на машине, привез с собой удочки, запас еды и пять бутылок коньяка. Коньяк был вскоре выпит, приходилось травиться дрянной водкой, купленной в магазине за десять километров отсюда.

Теперь тюремный медик сидел за пластиковым столом в саду и с самого утра тупо набирался. Крейдич смотрел на дивной красоты российские пейзажи, но они его абсолютно не радовали. Он даже удочки не удосужился распаковать.

Водка казалась безвкусной и слабой. В голове сами собой всплывали картинки прошлого: отдыха на средиземноморском побережье в четырехзвездочном отеле по системе «все включено».

– Сидел бы себе, сунув ноги в прибой, с бокалом холодного пива в руках... под пальмами. А тут эти березки драные. Тьфу! – сказал сам себе Крейдич. – Даже выпить не с кем. Одному нажираться – последнее дело. Но и отпуск насухо проводить не хочется.

Самым обидным было то, что жена на Кипр все-таки поехала. И теперь еще поневоле думалось, что она там может не просто отдыхать, но и развлекаться с другим мужчиной. Эти мысли требовали усиленной дозы спиртного.

Петр Павлович с тоской смотрел на закат. Солнце опускалось за зубчатую полосу леса.

– Ну разве можно сравнить с этим зрелищем закат солнца в море? – прошептал патологоанатом.

И тут Крейдич увидел ползущую по деревенской улице легковую машину. Седан, приспособленный для городских улиц и скоростных трасс, с трудом преодолевал провинциальные колдобины и рытвины. Напротив заброшенного коровника плескалась огромная, чуть меньше пруда, лужа, объехать которую было невозможно, с обеих сторон дороги густо разросся кустарник. Автомобиль осторожно скатился в воду и пошел вперед, разгоняя колесами волны. Машина, если не принимать во внимание птиц, являлась единственным движущимся в пейзаже объектом, а потому поневоле привлекала внимание патологоанатома. Седан дополз-таки до середины лужи, забуксовал на небольшом подъеме.

Патологоанатом без особого злорадства смотрел на то, как мужчина, сидевший за рулем, снимает начищенные до зеркального блеска ботинки, стягивает светлые носки, подворачивает штанины и ступает в грязь. Неудачливый водитель напрямик направился к дому Крейдича.

– Ну что? Танки грязи все-таки боятся? – вместо приветствия сказал патологоанатом.

– Автонавигатор подвел, – признался мужчина. – Этаким соблазнительным женским голосом мне советовал – сверните направо, потом через триста метров налево... вот и оказался в дерьме. Кому только в голову пришло эту свинскую тропинку заносить в каталог дорог местного значения.

– Вообще-то здесь проехать можно, если сухая погода стоит, – не преминул похвалить родные места Петр Павлович. – Но когда дождь пройдет, тут только на тракторах неделю ездить можно, потом снова ничего, а лето стоит дождливое.

– В городе я на это внимания не обращал. Кстати, о тракторах. Они тут часто ездят?

– Если вы рассчитываете, что трактор вас вытащит, то зря надеетесь. Поздно, теперь они уже не ездят. Вот с утра пара-тройка пройдет – механизаторы в магазин за опохмелом направляются.

– И что же делать? – расстроился водитель.

– На мою машину не рассчитывайте. Даже если бы у вас был трос метров на пятнадцать. У меня коробка-автомат стоит. Мне буксировать по инструкции не положено.

– И что же делать? – повторил вопрос водитель.

– Извините, выпить не предлагаю, у меня это последняя бутылка, – честно признался медик.

– Вот же дела, – водитель топтался на крыльце. – Решил свой день рождения на природе отметить. У приятеля в Крюковке дом. Собирался сегодня харчи, бухло завезти, послезавтра приятели должны подъехать. У меня там, – он кивнул на застрявшую машину, – вискаря немаленько, да и продукты испортиться могут. На дороге оставлять боязно.

– Да, тракторист по закону подлости может и в неурочное время поехать. А похмельному человеку незазорно и в чужую машину среди ночи заглянуть, – разделил опасения пришельца Крейдич. – В машине придется ночевать.

– А нельзя ли к вам в дом на ночь продукты и спиртное занести? – поинтересовался неудачник.

– В холодильнике место найдется, да и погреб имеется, – без особого энтузиазма произнес хозяин сельского дома.

– Пару пузырей и раскатить можно, если вы не против, – предложил водитель застрявшего автомобиля.

У патологоанатома заблестели глаза. У него теперь появлялась не только компания, но и хорошее спиртное. Бухло и сумку со снедью вдвоем перенесли быстро. Приезжий даже не позволил зайти Крейдичу в лужу. Стол накрыли быстро, уже темнело. Петр Павлович с умилением смотрел на то, как гость открывает вискарь и разливает его в стаканы.

– Вы не против, если я себе и вам брошу по устрице? – спросил приезжий. – Великолепный вкус, поверьте.

– Себе, пожалуйста. А я человек консервативный, – хозяин дома взял стакан в руки. – Ну что, выпьем для начала за знакомство? Меня, кстати, Петром зовут.

– Меня – Андреем, – назвался Ларин.

Толстостенные стаканы сошлись с глухим стуком, без звона, словно два булыжника ударились.

– Первый раз вискарь из граненого стакана пью, – признался Крейдич. – Из горлышка приходилось. Врать не стану. Вы кто по профессии? – из вежливости поинтересовался патологоанатом.

– Не догадываетесь?

– Трудно сказать. Я не психолог, но что-то, связанное с интеллектуальным трудом. Попробую угадать. Журналист? Нет-нет. Это мимо. Продюсер? И это облом.

– Не гадайте, профессия редкая. Профессиональный экстрасенс, – улыбнулся Ларин.

– Да уж, – выдохнул Крейдич. – Я-то думал, что самая бесполезная в мире профессия моя.

– Как экстрасенс я легко ее угадаю, – прищурился Андрей, затем закрыл глаза, выставил перед собой ладонь, словно бы просканировал ею сидевшего напротив него. – Вы патологоанатом, – абсолютно убежденно произнес он.

– Угадали.

– Не угадал, а узнал.

– Как вы это делаете? – Крейдич взял налитый Лариным стакан, пригубил. – Отличный виски. Вы его тоже выбираете при помощи своих сверхъестественных способностей?

– Ничего сверхъестественного в моих способностях нет. Просто тренировки усиливают то, что дано каждому из нас от природы. Вот вы, например, развили у себя что-то вроде зрительного рентгена – глянули на труп и уже почти наверняка знаете, что там внутри. Вскрытие только подтверждает ваши догадки.

– Бывает такое. Вот, скажем, на прошлой неделе поступил ко мне очередной жмур. Вроде как скончался от асфиксии, то есть кислородного голодания.

– Я не успел добавить, что вы работаете в тюремном морге, – уточнил Ларин.

– И тут угадали. Удушили жмура сокамерники мокрым полотенцем, – Крейдич не успел допить виски, заметил, что в нем плавает еще живой комар, и принялся ложкой вылавливать его.

Когда поднял глаза и хотел продолжить рассказ, то первым делом увидел наведенный на него объектив видеокамеры, она стояла на столе на невысокой треноге, словно из воздуха

материализовалась. Крейдич перевел взгляд на гостя, тот слегка улыбался, пистолет держал в руке небрежно, но ствол уверенно смотрел прямо в лоб хозяину.

– Не забывайте, я экстрасенс, – произнес он с легкой улыбкой. – И мне известно о вас абсолютно все. Но одно дело, если я расскажу об этом, и совсем по-другому будет выглядеть ваше собственное видеопризнание.

– Вы о чем? – не сразу понял Крейдич, поднося стакан к губам.

– Пить вам пока не надо, – остановил его Ларин. – Признаваться следует на относительно трезвую голову, во всяком случае, на видеозаписи не должно быть видно, что вы выпивши.

– Признаваться в чем? – голос патологоанатома дрогнул, потому что ствол пистолета замер, уставился своим зрачком прямо ему в правый глаз.

– Меня интересует, кто и под каким предлогом заставил вас совершить служебный подлог – составить фальшивое заключение о смерти старпома сторожевика «Бесстрашный». Не станете же вы меня уверять, что это была ваша частная инициатива?

– Мне не в чем признаваться, – тюремный медик опустил взгляд.

– Вам же приходилось копать в черепах людей, получивших пулевые ранения навывлет в голову, в частности, входное отверстие – правый глаз, выходное – затылочная часть? Неужели вы хотите, чтобы один из ваших коллег уже завтра копался в вашей черепушке и цокал языком: «Ах, какой интересный случай», – Ларин щелкнул предохранителем и передернул затвор, давая понять, что больше уговаривать он не намерен.

На видеокамере горела индикаторная лампочка. Этот адский огонек свидетельствовал – запись идет.

– Что мне говорить?

– Для начала назовитесь, а потом говорите – правду, правду и еще раз правду. Это облегчит вам душу.

Патологоанатом тяжело выдохнул и принялся говорить, глядя в камеру:

– Я, Крейдич Петр Павлович...

Когда все было закончено, патологоанатом наметил движение к стакану с виски.

– Теперь можете пить спокойно, – разрешил Ларин. – Дело сделано, и ничего уже не изменишь.

– Кому в руки попадет эта запись?

– Кому нужно, – ответил Андрей.

Ларин уже спускался по ступенькам, когда вслед ему выскочил Крейдич с топором. Но патологоанатому хватило ума не пытаться сразу же засадить острие Ларину в голову. Крейдич стоял, тяжело дыша. Топор подрагивал в его руках.

Андрей со спокойной улыбкой смотрел в глаза противнику. Он по своему опыту знал: убить человека – не такое простое дело, каким кажется дилетантам, даже если ты медик, вскрывающий за день по несколько трупов.

– Ну, и чего надо? – спросил он.

– Мужик, я передумал. Отдай запись, – выдохнул Петр Павлович.

Такое предложение сильно повеселило Андрея.

– Слушай, у тебя с головой все в порядке? Ты молиться должен, чтобы твое признание предали гласности. Иначе тебя просто убьют. Всего хорошего.

Ларин повернулся спиной к патологоанатому. Теперь он точно знал, что тот не решится ударить. Крейдич в бессильной злобе смотрел на то, как Ларин садится в машину, как «намертво забуксовавший» автомобиль легко выезжает из лужи...

Глава 4

Авиалайнер рейса Москва – Владивосток ровно гудел в небе. Под крыльями снежными холмами разлеглись кучерявые облака. Лора и Ларин сидели в хвосте самолета. Андрей на вопрос стюардессы, не желают ли пассажиры чего-нибудь прохладительного, отрицательно покачал головой и продемонстрировал открытую бутылку с морковным соком. А вот Лора заказала минералку. Искрящиеся пузырьки бежали от дна к поверхности.

– Спасибо, – несколько надменно кивнула агент Дугина стюардессе, как всякая красивая женщина, она недолюбливала других красоток. – Милочка, – змеиным шепотом произнесла она. – У вас две верхних пуговички расстегнулись, а на службе это непозволительно.

Ларин, непроизвольно заглядевшийся в вырез рубашки стюардессы, отвел взгляд, стал смотреть в иллюминатор.

– Спасибо, что подсказали. Приятного полета, – в голосе стюардессы послышалось змеиное шипение, немного минералки, якобы случайно, пролилось на блузку Лоре. – Извините, я сейчас промокну.

– Оставь свою салфетку при себе. Я не люблю, когда к моей груди прикасаются женщины. Меня от этого стошнить может.

– Еще раз извините, – стюардесса почувствовала, что перешагнула черту профессиональной вежливости, коль пассажирка с бюстом, большим, чем у нее, перешла на «ты».

– С вами, бабами, не соскучишься, – проговорил Ларин.

– Что-то произошло?

– Нет-нет, все в порядке.

– Если расстегиваешь больше пуговичек, чем положено, то надо иметь, что под ними демонстрировать. А ты купился, заглянул в пустой колодец. Рядом с тобой такая красotka сидит, а ты на меня ноль внимания, – Лора томно прикрыла глаза, откинулась на спинку кресла. – Хоть бы приобнял, поцеловал.

– Ты для меня сейчас не женщина, а напарница, – напомнил Андрей. – Давай о деле подумаем. Согласно ориентировке, у нас есть капитан сейнера Павел Прокопов. И его мы должны раскрутить на откровенность. Какие есть предложения?

– Действую я. Ты на подхвате. Мужики падки на женскую красоту, особенно, если женщина беззащитная. Ну, такая, как я.

– У меня есть встречное предложение. Действую я. А ты на подхвате. Я верю в силу денег и убеждения. Если человек непонятливый, можно и ствол ко лбу приставить.

– Ствол ко лбу никогда не поздно приставить, даже утром в постели, – подколола Лора. – Вы, мужчины, очень амбициозные, все норовите сами сделать. Потому пусть решит случай, – молодая женщина взяла оставшуюся на столике после завтрака зубочистку, сломала ее пополам, продемонстрировала Ларину. – А теперь закрой глаза. Вытащишь длинную, будешь действовать сам. Короткую – я.

Ларин подчинился. Но все же вытащил длинную.

– Что ж, теперь все справедливо. Я на шухере постою. Иногда это самое важное...

Огни Владивостока мягко размывались в туманной дымке. На небе тускло горели звезды. Их свет смазывался мощными прожекторами. На склоне вдоль берега растянулись строения рыболовецкого хозяйства: огромные сборные склады холодильных установок, административный корпус, общежитие для рыбаков. За ними светились окнами жилые дома рыбацкого поселка.

По морю вдоль стенки неровной шеренгой выстроились сейнеры, траулеры. На рейде поблескивал стояночными огнями плавучий рыбзавод. В воздухе густо пахло прелыми водорослями и свежей рыбой.

Капитан сейнера Павел Прокопов, моложавый мужчина с густой шевелюрой и аккуратно подстриженной бородкой, закончив дела на борту, сошел на берег. День выдался утомительный, хотелось скорей добраться до дома, выпить пару рюмок водки и завалиться спать.

– Извините. Вы – Павел Прокопов? – донесся из-за спины сдержанный вежливый голос.

Капитан обернулся. За ним стоял незнакомец, явно приезжий, столичная штучка, одет неброско, но дорого и со вкусом. Он смотрел на рыбака пристально и многообещающе. Прокопов прочувствовал последнее обстоятельство «спинным мозгом», так мог смотреть только тот, кто собирался предложить ему заработать.

– Ну, я. А что? – не слишком дружелюбно отозвался капитан сейнера.

Предложение заработать в его ситуации и при его профессии могло быть только уголовно наказуемым. Или улов «налево» продать, или контрабанду принять на борт.

– Меня зовут Александр Доморадский, – назвал вымышленную фамилию Андрей Ларин. – Обозреватель газеты «Абсолютно секретные файлы». Слышали о такой? – агент-антикор протянул рыбаку запаянное в пластик удостоверение.

Капитан сейнера не был любителем желтой прессы, если и брал в руки газету, то лишь затем, чтобы разгадать кроссворд.

– Что-то слышал. Таких газет немало. У вас почему-то порядкового номера удостоверения не проставлено.

– Наша газета самая популярная. А порядкового номера не поставлено, потому что это секретная информация. Никто не должен знать, сколько у нас сотрудников работает. Это ваш сейнер подобрал старпома сторожевика «Бесстрашный»?

– На эту тему я говорить для прессы не стану, – тут же «закрылся» Прокопов. – И не для прессы – тоже.

– Почему? Вы же совершили доброе дело, спасли человека.

– Я подписку о неразглашении давал.

– Кому?

– Следователю военной прокуратуры. Большого я вам не скажу. Все, до свидания, – капитан сейнера раздраженно зашагал вдоль стенки.

Неподалеку натужно гудели краны, выгружали улов.

– И чтобы это услышать от вас, я летел сюда из Москвы? – искренне удивился Ларин.

– Ваши проблемы. Я вас не приглашал. Могли бы и позвонить по телефону, слышали бы то же самое. Хотите официальной информации, обратитесь в пресс-службу военной прокуратуры.

– Мне нужна правда, а не вымысел. Вот почему я здесь. Вот поэтому и не звонил предварительно, – улыбнулся Ларин.

– Я уже ответил вам – у меня подписка о неразглашении.

– Я же не прошу рассказать мне правду бесплатно, – вкрадчиво произнес Андрей и принялся по одной доставать из кармана сто долларовые купюры, складывая их карточным веером. – Сто, двести, триста... тысяча... Кстати, сколько вы зарабатываете? Можете не отвечать... тысяча пятьсот... две тысячи... три... три тысячи сто... три тысячи двести...

Павел Прокопов замороженно смотрел на шулерские движения пальцев «московского журналиста», вслушивался в шелест купюр. Возможно, деньги сами по себе и не подействовали бы, но капитану хотелось поделиться тем, что он знал о трагедии.

– ... три тысячи двести, – повторил Ларин, а затем принялся за обратный отсчет суммы, пряча в карман купюры. – Три тысячи сто, три тысячи.

– Я согласен, – тут же сдался капитан сейнера. – Но только мое имя нигде не должно быть упомянуто.

– Меня это устраивает. Мне нужна правда, – Ларин протянул капитану три тысячи, тот тут же свел их из веера в пачку, спрятал в карман. Андрей демонстративно вынул диктофон и выключил его. – Я готов выслушать вас.

Рассказ Прокопова походил на абсурд. Он рассказал о том, как его радист принял сигнал «SOS», переданный с «Бесстрашного». Как его команда, невзирая на шторм, спасала людей с терпящего бедствие корабля.

– ...это было страшное зрелище, – продолжал свой рассказ капитан сейнера. – Расстрелянный спасательный плот еле держался на плаву, его заливали волны. Единственный, кто был еще жив, – это старпом «Бесстрашного», он привязал себя к плоту леером. Другие тела уже смыло в море. Двоих я видел собственными глазами. Они качались в волнах. Их спасательные жилеты были прострелены.

– Кто их расстрелял?

– Спасатели на вертолете, – пожал плечами капитан сейнера. – Так сказал Медведкин, когда мы подняли его на борт. Он называл их фашистами. Сказал, что спасательные плоты в упор расстреляли со снизившегося вертолета береговой российской авиации.

– Он был в твердой памяти или бредил?

– Старпом был очень плох, вскоре потерял сознание, но говорил, я думаю, правду.

– Вы подняли тела убитых?

– Волнение было таким сильным, что я не рискнул. Нас чуть не перевернуло, когда мы поднимали старпома.

– Звучит странно, – признался Ларин. – Зачем понадобилось спасателям расстреливать гибнущих матросов с «Бесстрашного»?

– Откуда мне знать? Я сказал то, что видел, и то, что слышал. У меня и доказательства есть.

– Какие?

– Вот, – капитан полез в портфель, вытащил две крупнокалиберные пули. – Я достал их из спасательного жилета одного из мертвых матросов. Мы попытались поднять на борт его тело, но оно выскользнуло из порванного выстрелами жилета.

– Крупный калибр. Вы могли бы мне их продать?

– Вы точно журналист? – прищурился капитан сейнера. – Вы не один из этих – прокурорских? Вы не проверку мне устраиваете? – Прокопов стал нервно озиаться. – Что-то вы слишком щедрый.

– Информация стоит денег. И разве я похож на прокурорского?

– Не похожи, у вас глаза другие. Черт с вами, пули я отдаю вам просто так. Без денег. Вы и так уже немало заплатили. Но есть у меня и более веское доказательство. Следователя из военной прокуратуры прямо перекосило, когда он его увидел, и тут же изъяс без всякого составления протокола.

– Значит, доказательства уже нет? – разочарованно произнес заинтригованный сначала Ларин.

– Нет оригинала. Но копия у меня. Запись с бортового видеорегистратора. Он и зафиксировал все, что было на самом деле.

– Вы всегда снимаете путину для домашнего видео? – удивленно вскинул брови Андрей.

– Это владелец сейнера поставил. Он каждый наш шаг контролирует.

– Зачем?

– Боится, что мы улов за хорошие деньги японцам или корейцам продадим. Сам-то он копейки платит. Вот и поставил видеорегистратор. Удалить с него запись у меня возможности нет, а вот переписать – сколько угодно. Я сразу понял, что дело нечистое, вот и закатал себе на планшетник, прежде чем вернулся в порт.

Прокопов полез в портфель, вынул планшетник, пробежался по экрану пальцами.

– Смотрите. Если заинтересует, то могу продать запись за пару тысяч. Вы уж извините за жадность, но я сильно рискую. Владелец может с работы выгнать, если узнает, что я с вами говорил. Мне «жировой запас» потребуется, чтобы вновь на работу устроиться.

Ларин взял планшетник в руки, всмотрелся в экран. Пока разобрать толком, что происходит в кадре, было нельзя, волны брызгами заливали объектив.

Совсем рядом с Лариным и капитаном гудел мощный портовый кран, позванивали туго натянутые тросы, звучал зуммер. Прожектор бликовал на экране. Не помогла и ладонь, которой Андрей прикрывал изображение тенью. Он сделал шаг в сторону, чтобы попасть в тень от морского контейнера. И, как всегда делал в таких случаях, коротко осмотрелся, нет ли слежки. Его взгляд зафиксировал какое-то стремительное движение вверх. Стрела портового крана нависала над ним и Прокоповым, сорвавшийся со строп стальной контейнер летел прямо на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.